

— Я сказал, что не хочу, а не могу, — сказал Цин Чжан, глядя на его постепенно искажающееся лицо.

— Хорошо... ха... — Сила в руке снова возросла, Янь Пэй прищурился, в его взгляде читалась жестокость.

Рука Янь Пэя, сжимавшая подбородок Цин Чжана, приложила ещё больше усилий, и в следующий момент Цин Чжан услышал лёгкий звук трения костей. Он поднял руку и изо всех сил отшвырнул руку Янь Пэя:

— Отпусти!

Выражение на лице Янь Пэя уже стало свирепым. Рука, только что отброшенная Цин Чжаном, мгновенно переместилась на другое плечо Цин Чжана. Обе руки с силой надавили на плечи Цин Чжана, так что тот не мог пошевелиться.

Цин Чжан позволил ему давить, поднял голову и с некоторым гневом посмотрел на Янь Пэя.

— Ты уже переспал с этой принцессой? Поэтому так спешишь жениться? Ты ещё можешь обнимать женщин? Ты забыл, как ты раздвигал ноги, принимая меня? Твоё тело ещё способно обнимать женщин?!

— ... — Стиснув зубы, Цин Чжан смотрел на него, его губы слегка дрожали, и он не знал, как ответить.

— Отвали! — Цин Чжан редко употреблял нецензурные слова, его губы долго дрожали, прежде чем он с трудом выдавил это слово. Он попытался ударить Янь Пэя ногой в нижнюю часть тела, но тот ловко уклонился, однако сила, с которой Янь Пэй сжимал его плечи, ни на йоту не ослабла. Сместившись, Янь Пэй ловко зажал ноги Цин Чжана между своих, с нетерпением прижался к нему.

Оказывается, главная польза от тренировок с ним боевым искусствам заключалась в этом...

Прижавшись к нему, он тяжело дышал лицом к лицу с ним. Руки, которые изначально держали Цин Чжана за плечи, постепенно опустились на его спину, обнимая его.

Обнимающие его руки сжимались всё туже, а тяжёлое дыхание над ним становилось всё более учащённым. Руки и ноги Цин Чжана были скованы, он не мог пошевелиться. Он даже не заметил, когда тот стал настолько высоким, что, просто наклонившись и обняв, мог полностью окружить его собой.

Он обнял Цин Чжана, уткнувшись лицом в его шею, вдыхая его лёгкий запах пота. Объятия становились всё теснее, в его выражении читались боль или обида.

Его голос, раздававшийся у шеи Цин Чжана, был низким, глухим, с лёгкой ноткой обиды:

— Не говори мне таких слов, не прогоняй меня.

Прижавшись к шее, он немного отдышался, и донёлся низкий, смутный, едва различимый голос:

— Ты не... говори мне... отвали... не говори мне такого, я не вынесу...

Цин Чжан хотел проигнорировать эти слова, но они ясно проникли в его уши, и как ни старался, не мог от них избавиться...

— ... — Но только что его оскорбительные слова одно за другим били прямо в сердце Цин Чжана. В его устах он был таким непристойным и низким. Почему-то сила в его руках, казалось, немного ослабла, и Цин Чжан изо всех сил столкнул его с себя.

Янь Пэй плотно сжал губы, его глаза покраснели. Непонятно было, от гнева или от обиды. Но его взгляд, устремлённый на Цин Чжана, был полон упрёка и допроса.

— Ты... — Он смотрел на Цин Чжана, и только тогда Цин Чжан ясно разглядел в его глазах тонкие кровяные прожилки.

— Ты... влюбился в ту принцессу Дай Ши? — медленно спросил он, затем с некоторой неловкостью отвёл взгляд, не глядя на Цин Чжана. Словно боясь какого-то ответа...

Цин Чжан долго не отвечал, не зная, как ответить. Как бы хорошо было, если бы он мог полюбить Дай Ши...

Но, взглянув на Янь Пэя, он увидел, что его выражение вернулось к обычной безмятежности, не осталось и следа от только что произошедшего. Теперь и его тон, и выражение лица излучали безразличие, ни капли прежней потери самообладания.

Должно быть, он действительно не волновался. Только что проявленная обида была просто поверхностной уловкой ради чего-то.

— Да. Она мне нравится, — торопливо сказал Цин Чжан, его одежда была слегка растрёпана. Он опустил голову, поправляя свой расстёгнутый воротник, и не увидел, как кадык Янь Пэя резко дёрнулся.

Янь Пэй закрыл глаза, его лицо было бесстрастным, невозможно было понять, о чём он думает. Затем он медленно выдавил лёгкую усмешку:

— Посмотрим, сможешь ли ты жениться.

Голос был очень тихим, лёгким, долетевшим до ушей Цин Чжана. Слово призрак приблизился, Цин Чжан почувствовал вокруг себя холод.

Цин Чжан тряхнул головой, проигнорировав это, поправил одежду и, не желая больше с ним связываться, встал и сказал Янь Пэю:

— Я вернусь готовиться к свадебным делам, позвольте откланяться. — В тоне Цин Чжана звучала некоторая холодная официальность. Сказав это, не дожидаясь ответа, он прямо направился наружу.

Янь Пэй позади него сохранял спокойный вид, наблюдая, как его фигура удаляется, пока совсем не скроется из виду. Его выражение было безмятежным, он медленно подпер голову рукой и с ненавистью, словно проклятие, выплюнул несколько слов:

— Лжец! Подлец!

В тот момент солнечный свет медленно проникал через окно позади него, окутывая его всего. На обратной стороне света его выражение лица было глубоко скрыто в тени.

Долгое время, проведённое вместе без должной ценности, заставило двоих отдаляться друг от друга спинами. Когда любовь и надежда будут окончательно истощены, это станет вечной разлукой.

*

Волнения при дворе и симпатии людей постепенно склонялись на сторону двенадцатого принца, что не могло не беспокоить некоторых придворных сановников и принцев.

На третий день после распространения информации о возможном назначении двенадцатого принца наследным принцем, двенадцатый принц был отравлен во дворце. Он потерял сознание и едва не лишился жизни.

Если яд мог проникнуть так глубоко во дворец, как же такое могло случиться! Император в гневе строго приказал Верховному суду расследовать это дело. Если результатов не будет, головы полетят.

Внизу стояла на коленях группа дрожащих сановников, некоторые обменивались взглядами. В этот разгар лета пот уже капал, но никто не осмеливался поднять руку, чтобы вытереть его.

Однако в этом деле посторонние знали лишь, что император ценит этого двенадцатого принца

и действует от его имени, но никто не знал, что после случившегося генерал Цин, оставив все свои сложные дела, стоял на коленях в Верхнем кабинете целое утро, умоляя императора расследовать это дело.

Затем, в ходе строгой проверки внутри и вне дворца. У всего есть начало и конец, всегда остаются следы. При расследовании всегда находятся некоторые тонкие зацепки. От служанок и евнухов, обслуживавших его обычно, до того, кто готовил еду для двенадцатого принца в тот день в Императорской кухне. При тщательной проверке результат обязательно найдётся.

Когда дело дошло до служанки, подававшей блюда, ситуация постепенно прояснилась. Говорили, что в тот полдень настроение двенадцатого принца было крайне плохим, он лежал на кушетке, и принцесса, подойдя, мягко и нежно о чём-то спрашивала, но он не отвечал. В это время маленький евнух подошёл налить ему чаю и случайно пролил чай на него, двенадцатый принц не сказал ни слова и сразу же приказал увести и высечь его двадцатью ударами.

Принцесса, беспокоясь рядом, послала служанку, подававшую блюда, в Императорскую кухню за чем-нибудь, чтобы снизить жар. Приказ был отдан в спешке, и, не дожидаясь прихода специально назначенной служанки с блюдами, она поспешно поднесла суп из миски перед двенадцатым принцем.

Янь Пэй, видя, что её старались, нехотя сделал два глотка. Но именно эти два глотка заставили его тут же выплюнуть кровь, упасть и потерять сознание.

Принцесса растерялась, в панике позвала императорских врачей. Едва удалось спасти эту жизнь. Но двенадцатый принц долгое время оставался в коме, не приходя в сознание.

Во всей этой истории только служанка, подававшая блюда, знала правду, и все немедленно отправились в задний дворец, чтобы схватить эту женщину.

Но в конце концов её не схватили, та женщина, зная свою вину, уже приняла яд и умерла в своей комнате.

Усилия, потраченные на поиск зацепки, снова зашли в тупик, и никто не знал, с чего начать. Но генерал Цин всё время настаивал на прогрессе в деле, и император снова и снова издавал указы, требуя скорейшего разрешения этого дела.

Но, видя, что дело не продвигается, группа людей нервничала, как муравьи на горячей сковороде.

Однако у всего есть точка прорыва. Тот чиновник Лю, занимавшийся расследованием дела. Обычно он был рассеянным, любил выпить, был запутанным чиновником. В тот день, будучи пьяным, он смутно услышал болтовню нескольких служанок. Как раз о той служанке, что умерла в деле об отравлении двенадцатого принца.

Они говорили, что когда та служанка раньше работала с ними, как она, пользуясь благосклонностью, творила беззаконие. Теперь хорошо, зло получает по заслугам, умерла — и чисто.

Чиновник Лю, пошатываясь, подошёл и схватил этих женщин, в суматохе одна из служанок отпихнула его ногой. Он, обняв её драгоценную ножку, не отпускал, бормоча и спрашивая, из какого она дворца.

<http://bllate.org/book/15451/1370758>